

Санкт-Петербургская  
православная духовная академия  
*Архив журнала «Христианское чтение»*

**А.И. Садов**

**Латинская  
древне - христианская поэзия**

*Опубликовано:  
Христианское чтение. 1904. № 12. С. 808-818.*

© Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия  
([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)), 2009. Материал распространяется на основе  
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием  
авторства без возможности изменений.



СПбПДА  
Санкт-Петербург  
2009

## Латинская древне-христианская поэзія \*).

### IV.

**Я**ЗЫКЪ, метры и вообще тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ христианскіе поэты выражали свои мысли, при всемъ стараніи авторовъ держаться классическихъ традицій, во многомъ разнились отъ языка, размѣровъ и способовъ выраженія чисто классическихъ: время не могло не наложить на нихъ своей печати. Вслѣдствіе этого обстоятельства памятники латинской христианской поэзіи получаютъ еще особый интересъ, именно интересъ литературныхъ явленій, служащихъ показателями жизни языка и измѣнявшихся отношеній писателей къ античной просодіи и метрикѣ. Съ точки зрѣнія исторіи латинскаго языка и стихосложенія эти памятники представляютъ много примѣчательнаго. Любопытны они и потому, что помогаютъ выясненію причинъ наблюдаемыхъ въ этомъ направленіи отступленій отъ старыхъ литературныхъ преданій.

введено почитаніе священныхъ изображеній. Но такъ какъ детальныя измѣненія въ „Книгѣ молитвъ“ и вообще въ англиканской богослужебной практикѣ, съ составленіемъ новыхъ молитвословій и даже цѣлыхъ чиповъ, могутъ быть исполнены только на мѣстѣ, въ Америкѣ, при соображеніи съ существующими требованіями и условіями, то признано желательнымъ препроводить самыя „Замѣчанія“ къ преосв. Тихону, епископу Американскому, въ качествѣ матеріала для детальной выработки условій присоединенія расположенныхъ къ православію англиканъ въ переговорахъ съ послѣдними. По вопросу о принятіи іерархическихъ лицъ изъ англиканства Коммиссія предполагала, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса церковію, предлагать присоединяющимся новую условную хиротонію.

\*) Окончаніе. См. ноябрь.

Лексиконъ латинскихъ христіанскихъ поэтовъ не есть вполне лексиконъ традиціонный. Ювенкъ, своимъ словаремъ въ общемъ напоминающій классическіе образцы, не всегда однако является простымъ подражателемъ. Онъ создаетъ и свои выраженія: *flammivomus* въ *praef.* 23, *flammipes* въ II, 564, *flammicomans* въ IV, 201 <sup>1)</sup>. Слѣдуя разившейся къ тому времени склонности употреблять абстрактныя слова вмѣсто конкретныхъ, онъ пользуется словами *virtus* и *gloria* для означенія Христа. а словами: *versutia* и *fallacia*—для означенія діавола. Наименованіе «*virtus*» вмѣсто имени «Христось» употребляетъ и авторъ стихотворенія *De Jesu Christo Deo et homine*. Авторъ стихотворной обработки Моисеевыхъ и слѣдующихъ книгъ, часто пользующійся классическими оборотами, иногда выражается по-своему. У него есть слова, имъ самимъ образованныя <sup>2)</sup>, а потому и его причисляютъ къ числу лицъ, внесшихъ нѣчто новое въ поэтическую латинскую рѣчь. У Драконтія наблюдаются слѣды такъ наз. народнаго языка (*vulgaris linguae*) или плебейской рѣчи (*plebeii sermonis*). Плебейскіе элементы проникали въ книжный языкъ и раньше, даже тогда, когда былъ разцвѣтъ римской литературы; тѣмъ легче могли они найти доступъ въ литературную рѣчь въ періодъ упадка литературныхъ вкусовъ. У Драконтія замѣчаются слѣды африканской латыни, сложившейся въ Африкѣ подъ влияніемъ мѣстныхъ условій, вообще наблюдаются явленія, свидѣтельствовавшія о жизни латинскаго языка, хотя эта жизнь шла не въ томъ направленіи, которое намѣчено было въ классическій періодъ. Слѣды народной латыни наблюдаются иногда, хотя въ малой мѣрѣ, и у Дамаса <sup>3)</sup>. Въ рѣчи Коммодіана, въ числѣ другихъ своеобразностей, есть явленія, свидѣтельствующія о начавшемся переходѣ формъ латинской рѣчи въ формы романскихъ языковъ <sup>4)</sup>. Въ языкѣ *Carminis adversus Marcionitas*, очень сходномъ съ языкомъ Коммодіана, есть много элементовъ народнoй и африканской латыни <sup>5)</sup>. Въ языкѣ Сидонія Аполлинарса

<sup>1)</sup> Другіе примѣры—у *Manitius*, s. 56.

<sup>2)</sup> См. *index verborum et locutionum* при изданіи его стихотв. въ 23 томѣ вѣвскаго *Corpus*.

<sup>3)</sup> *Amend.*, Studien zu den Gedichten des Papstes Damasus. Pr. 1894.

<sup>4)</sup> *Schneider*, Die Kasus, Tempora und Modi bei Commodian. Pr. 1889.

<sup>5)</sup> *Oxé*, Proleg. De Carm. adv. Marc., 1888, 17 ss. Сравни. его же—*Victorini Versus De lege Domini. Ein unedierter cento aus dem carmen adversus Marcionitas*; Progr. 1894, s. 3.

видимъ слѣды вліянія юридическаго языка на литературную латынь <sup>1)</sup>).

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, даже довольно раннихъ, замѣтны слѣды риомы. Эти слѣды наблюдаются уже въ дидактическомъ стихотвореніи Коммодіана, далѣе—у Августина, который большею половиною своей жизни принадлежалъ IV вѣку, въ стихотвореніи противъ донатистовъ, и у Дамаса въ приписываемомъ ему пѣснопѣніи въ честь Агаты. Въ гимнѣ Седулія на праздникъ Богоявленія замѣтно уже сильное развитіе риомы: пѣть здѣсь риомы только въ одной строфѣ. Въ *Carmen ad Flavium Felicem de resurrectione mortuorum* изъ 406 стиховъ имѣютъ риому 172 стиха <sup>2)</sup>).

Въ стихахъ нѣкоторыхъ христіанскихъ поэтовъ любопытно отношеніе между грамматическимъ и метрическимъ удареніями. Сущность явленія видна изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ противоположность гимнамъ Амвросія, гдѣ удареніе грамматическое и удареніе метрическое не стремятся къ совпаденію, въ гимнѣ Седулія на Богоявленіе удареніе метрическое часто падаетъ на тотъ же слогъ, на который приходится и удареніе грамматическое. Отсюда дѣлается выводъ, что въ стихотвореніи Седулія наблюдается переходный моментъ къ тому періоду въ стихосложеніи, когда количество уступало свое мѣсто акценту. Другой примѣръ: въ *Carmen ad Flavium Felicem* принимается авторомъ во вниманіе то количество, то удареніе въ словѣ; но удареніе во многихъ случаяхъ получаетъ преобладаніе надъ количествомъ.

Достойно вниманія, что на свои особенности въ языкѣ и метричкѣ нѣкоторые авторы иногда прямо смотрѣли, повидимому, какъ на такія отступленія отъ классическихъ образцовъ, которыя допущены были противъ ихъ собственнаго желанія,

<sup>1)</sup> *Gruppe, Zur Sprache d. Apollinaris Sidonius, Progr. 1892.* Общей характеристикѣ языка этого автора посвятилъ двѣ брошюры Kretschmann, подъ заглавіями: *Le latinitate G. Solli Apollinaris Sidoni. 1870. 1872.*

<sup>2)</sup> Характеръ риомы, допускавшейся авторомъ этого *Carminis*, достаточно опредѣляется слѣдующими подробностями. Первые 14 стиховъ оканчиваются слогомъ „as“, и въ 13 изъ нихъ этому окончанію соотвѣтствуетъ и внутри стиха слогъ „as“; въ концѣ cadaго изъ слѣдующихъ 5 стиховъ стоитъ звукъ „o“; въ слѣдующихъ 6 стихахъ на концѣ слогъ „is“ и въ большинствѣ случаевъ такая же риома внутри стиха, и т. д.; есть и полная риома, напр. *negastis, necastis, fugastis* въ концѣ трехъ однихъ за другимъ слѣдующихъ стиховъ (292—294).

которыя сами они считали недостатками и въ которыхъ поэтому иногда и извинялись предъ читателями. Клавдій Марій Викторъ во введеніи прямо испрашиваетъ прощенія возможныхъ неправильностей его противъ метрики, какъ и противъ точности выраженія <sup>1)</sup>. Седулій въ предисловіи къ *Paschale carmen*, приглашая къ своей трапезѣ пасхальной (т. е. къ чтенію своего стихотворенія) всякаго желающаго, вмѣстѣ съ тѣмъ скромно предупреждаетъ: пусть являющійся оставитъ слишкомъ большія надежды на ожидаемое наслажденіе и больше смотреть на содержаніе, чѣмъ на форму. Авторъ центона *De ecclesia*, прочитаннаго, какъ видно изъ послѣсловія къ нему, публично и доставившаго автору названіе «Марона Младшаго» (*Maro iunior*), отклоняя это названіе, заявилъ, что *Виргилій* для него недостижимый, божественный образецъ (*erit ille mihi semper deus*) <sup>2)</sup>,—заявленіе, по его формѣ, конечно, нѣсколько неожиданное и странное въ устахъ христіанина, но съ историко-литературной точки зрѣнія совершенно правильное и дѣлающее автору честь. Такъ же, повидимому, скромно смотрѣлъ на свой трудъ *Павлинъ* изъ Пеллы, который, составляя свою автобіографію, по его словамъ, имѣлъ въ виду собственно написать благодарственное стихотвореніе *Всевышнему* на тему о своей жизни. Посвящая свое размышленьице (*meditatio* *insulam*) Богу, авторъ желаетъ одного, чтобы оно оказалось угоднымъ Богу; для другихъ, особенно людей ученыхъ, онъ его и не предназначаетъ. Авторъ далекъ отъ самообольщенія на счетъ своего труда. Свое стихотвореніе онъ самъ характеризуетъ, какъ *carmen incultum* <sup>3)</sup>.

Другіе авторы смотрѣли на свои отступленія отъ старыхъ образцовъ, повидимому, нѣсколько иначе, допуская ихъ, какъ кажется, съ нарочитою цѣлію. *Коммодіанъ*, напримѣръ, писалъ для народа, въ которомъ видѣлъ наилучшую почву для посѣва *Евангельскаго ученія*; съ народомъ же требовалось говорить народнымъ языкомъ, а не утонченнымъ языкомъ римской ученой и чиновной аристократіи. По этому-то именно, какъ думаютъ, языкъ его и имѣетъ своеобразности, напоминающія *linguam rusticam*. Съ той же точки зрѣнія и подобными же

<sup>1)</sup> *Aleth.* *Precatio*, v. 119 ss. Сравн. прооemium издателя въ вѣн. *Corpus*, pag. 354--355.

<sup>2)</sup> *De ecclesia*, v. 112.

<sup>3)</sup> *Paulini* *Eucharisticos*, *praefatio* (*Corpus*. XVI, I, 290).

соображеніями можно отчасти объяснять и нѣкоторыя особенности его метровъ. Судя по его стихотвореніямъ, нѣкоторые полагають <sup>1)</sup>, что Коммодіанъ былъ въ состояніи писать правильными гекзаметрами, съ надлежащимъ чередованіемъ долгихъ и короткихъ слоговъ, и вѣроятно писалъ бы такъ, если бы это было въ его расчетахъ. Но онъ отдалъ предпочтеніе стиху, построенному не исключительно по правиламъ о количествѣ, но иногда по соображенію съ требованіями грамматической акцентуаціи, при чемъ у него грамматическое удареніе имѣеть иногда большее значеніе, чѣмъ долгота и краткость слоговъ. Такъ поступалъ онъ именно потому, что соображался со вкусами и требованіями читателей изъ народа, издавна повидимому тяготѣвшаго къ стихамъ, которые измѣряются повышеніемъ и пониженіемъ тона <sup>2)</sup>. Онъ могъ сдѣлать эту уступку вкусамъ читателей въ томъ, что должно было казаться ему менѣе важнымъ, чтобы достигнуть болѣе важнаго:—привлечь читателей къ христіанству. Августинъ, писавшій стихотвореніе противъ донатистовъ для распространенія его прежде всего въ народъ, допускаеть здѣсь риѣму опять въ виду, какъ можно думать, особенной склонности народа къ риѣмѣ, между тѣмъ какъ поэзія образованныхъ людей риѣмой пренебрегала <sup>3)</sup>. По той же причинѣ допускаеть риѣмы Амвросій въ гимнахъ, естественно имѣвшихъ особое значеніе для народа <sup>4)</sup>. Это явленіе, въ его сущности, можно признать аналогичнымъ тому факту, что авторы христіанскихъ гимновъ писали по преимуществу трохеями и ямбами, въ виду по преимуществу народнаго характера этого ритма, который повидимому господствуетъ еще въ древне-римскомъ національномъ стихотворномъ размѣрѣ—*Versus Saturnius*, въ остаткахъ латинской народной поэзіи, надписяхъ, у народныхъ сценическихъ поэтовъ, въ насмѣшливыхъ стихотвореніяхъ, въ пѣсняхъ народныхъ <sup>5)</sup>.

<sup>1)</sup> Срав. *Hanssen*, De arte metrica Commodiani, Diss. 1881.

<sup>2)</sup> *Rönsch* въ *Zeitschr. f. hist. Th.* 1872, s. 170 f. Сравн. *Spiegel*, *Untersuch. über d. ältere christl. Hymnenpoesie*, II Th. Progr. 1897, s. 69 ff.

<sup>3)</sup> О томъ, что Августинъ въ подобныхъ случаяхъ сообразовался вообще съ требованіями и состояніемъ народа, говорить онъ самъ въ *Retractat.* I, 20.

<sup>4)</sup> О значеніи риѣмы въ ту пору срав. *Spiegel*, *Unters. üb. d. ält. chr. Hymnenpoesie*, I Th., Progr., 1896, s. 35. Срав. *B. ph. W.*, 1904, 42, 1327.

<sup>5)</sup> *Huemer*, *Untersuchungen über d. iambischen Dimeter bei d. chr.—lat. Hymnendichtern*, 1876, s. 5 ff. Его же—*Untersuch. ü. d. ält. lat.-chr. Rhythmen*, 1879, s. 4 ff.

Въ принятой нѣкоторыми поэтами формѣ стихотвореній наблюдалось иногда нѣчто такое, что отчасти стѣсняло авторовъ въ изложеніи мыслей. Это—форма акростиховъ у Комодіана въ *Instructiones per litteras versuum primas*, при чемъ первыя буквы стиховъ каждаго стихотворенія, взятыя вмѣстѣ, составляютъ заглавіе даннаго стихотворенія<sup>1)</sup>,—наимѣренное повидимому употребленіе иногда въ концѣ стиховъ одного и того же гласнаго звука—въ тѣхъ же *Instructiones*, построеніе стиховъ въ видѣ двустихій—въ *Carmen Apologeticum*<sup>2)</sup>. У Дамаса также есть стихотворенія, построенныя искусственно. Это—два стихотворенія объ Иисусѣ Христѣ, въ которыхъ имя *Iesus* образуется и первыми буквами стиховъ и затѣмъ, также и послѣдними буквами. Авзоній въ *Oratio versibus rhopalicis* употребляетъ другой, еще болѣе искусственный приемъ. Въ каждомъ стихѣ стихотворенія, состоящаго изъ 14 строфъ, по 3 стиха въ каждой, первое слово односложное; каждое слѣдующее слово въ стихѣ имѣетъ лишній слогъ сравнительно съ предшествующимъ, и такимъ образомъ число слоговъ въ отдѣльныхъ словахъ стиха постепенно нарастаетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самый стихъ какъ бы растетъ<sup>3)</sup>. Альдгельмъ, въ стихотворномъ предисловіи къ поэмѣ *De laude virg.*, пользуется формою акростиха и телестиха, для чего служитъ первый стихъ предисловія: *Metrica tirones nunc promant carmina castos*. Другими словами: буквы, составляющія приведенный стихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ взятыя въ послѣдовательномъ порядкѣ, составляютъ и начальныя буквы отдѣльныхъ стиховъ предисловія, такъ что первый стихъ его начинается буквою М, второй—буквою Е, третій—буквою Т и т. д.; затѣмъ, эти же буквы образуютъ и конечныя, послѣднія буквы отдѣльныхъ стиховъ предисловія, если обозрѣвать эти послѣднія буквы съ

<sup>1)</sup> Нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи акростиховъ; далѣ *Krumbacher* въ *Gesch. d. Byzant. Literatur* 1891, S. 338. Сравни. *Berl. ph. W.*, 1904, 25, 796 о докладѣ того же византиниста въ Мюнх. академіи.

<sup>2)</sup> И у Павлина Нолянскаго, въ его элегическихъ стихотвореніяхъ, замѣчается стараніе—выразить въ каждомъ двустихіи законченную мысль. *B. ph. W.*, 1904, 29, 908.

<sup>3)</sup> Отсюда и названіе стиха—*versus rhopalicus*, отъ греческаго слова *ῥόπαλον*, которымъ обозначается по преимуществу палица Геркулеса, бывшая, по древнему представленію, съ одного конца не особенно толстою и затѣмъ къ другому концу постепенно становившаяся все толще и толще.

конца стихотворенія, такъ что послѣднею буквою въ конечномъ стихѣ предисловія является М, послѣднею буквою во второмъ отъ конца стихѣ является Е, послѣднею буквою въ третьемъ отъ конца стихѣ является Т и т. д. Въ этихъ явленіяхъ, какъ и въ риторической игрѣ словами <sup>1)</sup>, нужно, конечно, прежде и больше всего видѣть дань, которую отдавали христіанскіе поэты причудливымъ вкусамъ времени <sup>2)</sup>; однако въ подобныхъ искусственныхъ приѣмахъ можно иногда также усматривать вліяніе иныхъ болѣе серьезныхъ соображеній, стоявшихъ въ связи съ высшими задачами литературной дѣятельности христіанскихъ поэтовъ. Когда Коммодіанъ писалъ акростихами, онъ могъ надѣяться этимъ способомъ дать точку опоры для памяти читателей при усвоеніи его стихотвореній, —цѣль почтенная, въ виду апологетико-полемическаго и дидактическаго назначенія его стихотвореній. Когда Августинъ задумалъ представить народу въ надлежащемъ освѣщеніи дѣло донатистовъ и для этого составилъ особое стихотвореніе, которое предназначалось для пѣнія его народомъ, то, желая облегчить послѣднему запоминаніе стихотворенія, онъ и построилъ его такъ, что первое слово въ каждой строфѣ (за исключеніемъ послѣднихъ) начиналось соотвѣтствующею буквою алфавита, въ порядкѣ послѣдняго <sup>3)</sup>. Подобное же соображеніе, быть можетъ, не чуждо было и Седулію, который въ гимнѣ, посвященномъ вочеловѣченію Христа Спасителя, первые стихи отдѣльныхъ строфъ начинается буквами римскаго алфавита, въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Въ разсказѣ Седулія объ Иродѣ, рѣшившемъ убить Младенца Христа, но притворно заявлявшемъ, что онъ хочетъ поклониться Ново-рожденному, встрѣчаемъ такіе стихи: *Quid furis, Herodes... legemque legendo neglegis et Regi regum tua regna minaris.* *Pasch. Carm.*, II, 83—85.

<sup>2)</sup> Указанный приѣмъ христіанскихъ поэтовъ нѣсколько напоминаетъ *carmina figurata* ученыхъ александрійскихъ поэтовъ съ ихъ римскими подражателями, придававшихъ своимъ стихотвореніямъ, съ ихъ внѣшней стороны, форму напиримѣръ пастушеской свирѣли, крыла Эрота, жарптицы, яйца и т. п. (См. *Сонни*, Александринизмъ и его вліяніе на римскую литературу — въ *Кіев. Унив. Изв.* 1887, окт. кн.). Ухищряясь писать такіа *carmina figurata*, безъ особенно большого ущерба для смысла, александрійскіе поэты этимъ самымъ ясно давали видѣть, какъ свободно владѣли они языкомъ, на которомъ писали. Ту же свободу засвидѣтельствовали и латинскіе поэты своими акростихами и телестихами.

<sup>3)</sup> Отсюда и усвояемое этому стихотворенію названіе „*Abecedarius*“.

<sup>4)</sup> *Daniel* (I, 144) называетъ поэтому этотъ гимнъ *de nativitate Domini hymnus alphabeticus*.



Не всѣ древне латинскіе христіанскіе авторы, писавшіе стихи на христіанскія темы, были настоящими поэтами. Эннодій, напримѣръ, писавшій гимны въ честь святыхъ и мучениковъ, на дни христіанскихъ праздниковъ и по другимъ поводамъ, въ сущности сочинялъ стихи, которые поэтому и представляютъ собственно прозу, только облеченную въ метрическую форму и приправленную риторикой. Авторъ писалъ свои стихи не по внутренней потребности, а потому, что считалъ для себя, какъ духовнаго лица, обязательнымъ писать гимны. Не отличаются особыми достоинствами и стихотворенія Сидонія Аполлинариса; если судить по стихотвореніямъ Коммодіана и Павлина изъ Перигье, не великъ былъ и ихъ поэтическій талантъ <sup>1)</sup>. За то на произведеніяхъ не малаго числа другихъ латинскихъ христіанскихъ поэтовъ лежитъ печать несомнѣннаго и значительнаго дарованія. Это не были простые слагатели впршъ. Клавдій Марій Викторъ обнаружилъ умѣнье писать замѣчательно живо и придавать своимъ изображеніямъ свѣжесть, показалъ незаурядную способность къ подлинно поэтическимъ концепціямъ. Это видно уже изъ даннаго имъ описанія жизни прародителей вѣ рая въ первое время послѣ изгнанія. Онъ обнаружилъ способность переживать состояніе описываемыхъ имъ лицъ, входить въ ихъ положеніе. Алшимъ Экдицій Авитъ однимъ изъ своихъ стихотвореній засвидѣтельствовалъ свою безспорную способность къ поэтическому творчеству. Стихотвореніе Блоссія Эмилиа Драконтіа *De Deo* также свидѣтельствуетъ о значительномъ дарованіи автора, съумѣвшаго своими картинками оживить для читателей сухой иногда, вслѣдствіе своей сжатости, библейскій рассказъ, а привнесеніемъ въ изложеніе субъективно-лирическаго элемента—дѣйствовать на сердце читателя <sup>2)</sup>. Нѣкоторые авторы съумѣли придать своимъ стихотвореніямъ особый интересъ тѣмъ, что, при обработкѣ избранныхъ темъ,

<sup>1)</sup> Когда однако Коммодіанъ говоритъ о предметахъ, особенно занимавшихъ его мысль и воображеніе, именно—о послѣднихъ дняхъ, то и въ немъ сказывается натура поэтическая. При томъ въ его изложеніи нѣтъ ни напыщенности, ни пустыхъ фразъ.

<sup>2)</sup> Можно думать, что, по вниманію именно къ достоинствамъ того отдѣла стихотворенія, который заключалъ въ себѣ исторію творенія и грѣхонаденія и который существовалъ въ отдѣльномъ изданіи еще до Исидора, этотъ отдѣлъ въ VII столѣтіи былъ переизданъ, и переизданъ никѣмъ инымъ, какъ епископомъ Евгеніемъ II толедскимъ.

затрогивали и матеріалъ, соприкосновенный съ ихъ главнымъ предметомъ, и, затѣмъ, излагали общехристіанскія мысли въ соответствующей конкретному положенію индивидуальной окраскѣ. Многіе пишутъ съ такимъ увлеченіемъ, что вниманіе читателя ни на минуту не ослабѣваетъ. Такою увлекательностью обладаютъ, напримѣръ, нѣкоторые отдѣлы въ Евангельской исторіи, изложенной въ *Paschale carmen* Седулія. Сдѣланный Ювенкомъ первый по времени опытъ изложенія Евангельскаго разсказа въ изящной поэтической формѣ, съ цѣлью придать ему больше привлекательности въ глазахъ людей образованныхъ, наглядно показалъ значительность его таланта, совершенно безспорную, хотя на первыхъ порахъ можетъ быть нѣсколько преувеличенную<sup>1)</sup>. Араторъ обладалъ также признаннымъ дарованіемъ: онъ обнаружилъ въ стихотвореніи не только силу мысли, но и богатство образовъ. Пруденцій, которому усвоится названіе «христіанскаго Горация», свою большую даровитость доказалъ, хотя бы въ мученическихъ гимнахъ, разнообразіемъ концепціи при одинаковости нѣкоторыхъ общихъ приемовъ изложенія, значительнымъ драматизмомъ въ діалогахъ, большой творческой дѣятельностью фантазии, которая создаетъ у него иногда превосходные образы. И не даромъ считается Пруденцій основателемъ той формы литературнаго творчества, изъ которой впоследствии развилась баллада. Даже въ *Apotheosis*, стихотвореніе, написанное на тему, мало пригодную для раскрытія ея въ поэтической формѣ, авторъ сумѣлъ внести элементъ чистой поэзіи въ видѣ замѣчаний чисто лирическаго свойства и въ видѣ картинныхъ, дышащихъ чувствомъ, описаній событій и явленій, подтверждающихъ его основныя мысли. Признается особенно замѣчательнымъ тотъ отдѣлъ въ стихотвореніи, въ которомъ противоплагается съ одной стороны—богатое свѣжими духовными силами, сдѣлавшееся міровою нравственною силою, христіанство, съ другой—потерявшее свое національное величіе, не имѣющее отечества, находящееся подъ игомъ закона, іудейство. Даровитый Венапцій Фортунатъ пробовалъ и доказалъ свой талантъ поэтическій въ разныхъ видахъ художественнаго творчества: и въ гимнахъ, изъ которыхъ одинъ называется всему міру извѣстнымъ, а о другомъ говорится, что трудно найти иное стихотвореніе, которое дышало бы такою искреннею лю-

<sup>1)</sup> Korn. Die Handschriften der Hist. Euang. des Iuvenecus, Pr. 1870, S. 1.

бовію къ Распятому Господу,—и въ прочихъ стихотвореніяхъ, особенно написанныхъ по поводу крупныхъ событій въ тогдашней церковной и гражданской жизни. Истиннымъ мастеромъ является Фортунатъ и въ стихотвореніяхъ, написанныхъ по поводу мелкихъ случаевъ въ жизни, какъ его самаго, такъ и лицъ, съ которыми сталкивался онъ на своемъ жизненномъ пути. Вообще этотъ авторъ, писавшій не на выдуманнаыя темы и не на темы изъ давняго прошлаго, писавшій только объ извѣстныхъ ему людяхъ и о событіяхъ окружавшей дѣйствительности, далъ стихотворенія, своеобразныя и по матеріалу и со стороны внѣшняго изложенія, въ которыхъ онъ, къ выгодѣ для себя, является освободившимся отъ нѣкоторыхъ условныхъ традицій школы, уже въ сущности отжившихъ свое время. Онъ бросилъ языческую мифологію, за исключеніемъ одного лишь случая, бросилъ аллегорическія фигуры и почти всю риторіку. Въ «плачѣ» по королевѣ Гелезуинтѣ (*Gelesuintha*) содержится нѣсколько рѣчей; но эти рѣчи держать не *Gallia*, *Gothia*, *Patria*, также не *Fides*, *Pietas* и подобныя, любимыя прежними латинскими авторами, фигуры, но мать, сестра, кормилица умершей. Вообще Фортунатъ изображаетъ только то, что на самомъ дѣлѣ происходило около него, и изображаетъ это съ возможною для той поры простотою. Уже этимъ однимъ авторъ достаточно доказалъ свое дарованіе, художественное развитіе и литературный вкусъ.

Для своего и ближайшаго къ нимъ времени если не всѣ, то нѣкоторые памятники латинской христіанской поэзіи были явленіями крупными, удовлетворявшими живой въ нихъ потребности. Объ этомъ выразительно свидѣтельствуетъ широкая (какъ показываютъ библиотечныя свѣдѣнія) распространенность многихъ изъ нихъ, санкціонированная иногда или по крайней мѣрѣ признавая, какъ фактъ, и римскою церковною властью. Въ декретѣ папы Геласія отъ 495 или 496 года *de libris recipiendis et non recipiendis*<sup>1)</sup>, о стихотвореніи Седулія данъ такой отзывъ: *item venerabilis viri Sedulii paschale opus, quod heroicis descripsit versibus, insigni laude praeferimus*. О поэмѣ Ювенка въ томъ же декретѣ выражено: *item Iuveni nihilominus laboriosum opus non spernimus sed miramur*. Запретъ, наложенный Геласіемъ на извѣстный трудъ Пробы («*centimetrum (centonem) de Christo, Virgilianis compaginatum versibus, apocryphum*»), самымъ своимъ появленіемъ указы-

<sup>1)</sup> Migne, *Patr. lat.*, LIX, 157 ss.

ваетъ на распространенность цента, удостоверяемую и Исидоромъ въ *De vir. ill.* 22 (18): *Proba, uxor Adelphi proconsulis, femina idcirco inter viros ecclesiasticos posita sola pro eo, quod in laude Christi versata est, componens centonem de Christo Vergilianis coaptatum versiculis. cuius quidem non miramur studium, sed laudamus ingenium. Quod tamen opusculum, прибавляетъ Исидоръ, legitur inter apocryphas scripturas insertum*<sup>1)</sup>. И стихотворенія Коммодіана не были бы, конечно, занесены Геласіемъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ, если бы онѣ не имѣли читателей. Когда распространился по Риму слухъ о выполненномъ Араторомъ изложеніи книги Дѣяній въ стихахъ, явилось желаніе прослужать литературную новинку въ публичномъ чтеніи, которое и состоялось въ церкви св. Петра *ad vincula*. Посвященный Вигилію<sup>2)</sup>, трудъ этотъ былъ поднесенъ напѣ съ большою торжественностью, въ присутствіи многихъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконровъ, а также и низшихъ клириковъ<sup>3)</sup>;—факты очень характерные. Многими изъ памятниковъ латинской христіанской поэзіи сильно увлекались. Было время, когда увлеченіе Араторомъ доходило до сопоставленія его съ *Виргиліемъ* и даже—въ виду христіанскаго содержанія стихотворенія Аратора—до предпочтенія его *Виргилію*. «*Psychomachia*» Пруденція въ средніе вѣка была любимой поэмою, а одно время считалась въ числѣ школьныхъ книгъ, вмѣстѣ съ другими избранными памятниками латинской христіанской поэзіи, рядъ которыхъ начинается *Historia Evangelica* Ювенка.

Для позднѣйшаго времени всѣ памятники древней литературы, какъ и письменности, имѣютъ цѣну только въ качествѣ историческихъ свидѣтелей о духовной жизни того времени и о внѣшнихъ обнаруженіяхъ этой жизни. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, памятники латинской христіанской поэзіи, какъ можно судить и по указаннымъ немногимъ<sup>4)</sup> примѣрамъ, имѣютъ цѣну очень большую, представляя въ общемъ существенное, при томъ отчасти только изъ нихъ почерпаемое дополненіе къ тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ прозаической литературѣ.

Александръ Садовъ.

<sup>1)</sup> Срав. того-же Исидора *Orig.* I, 39 (38). 26.

<sup>2)</sup> *Epist. ad Vigilium*, v. 27 s. (Migne, LXVIII, 81).

<sup>3)</sup> См. *Arantzenii praefatio* къ его изданію Аратора. Migne, LXVIII, 54 s.

<sup>4)</sup> Сравни. *C. Weytan Jahresbericht über die christl.—lat. Poesie von 1894—95 bis Ende 1897* въ *Jahresber. üb. d. Fortsch. d. class. Altertumswissenschaft*, Bd. LXXXIII (1897).



# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## **Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»**

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

**На сайте академии**  
**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки